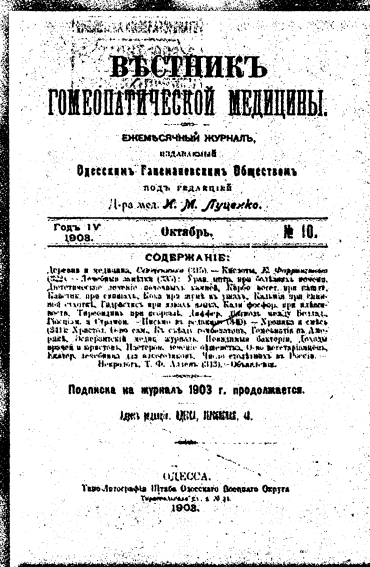

УКРАЇНСЬКИЙ ГОМЕОПАТИЧНИЙ ЩОРІЧНИК

TOM XI (2008)

Одеса-2008

НАУКОВО-МЕДИЧНЕ ГОМЕОПАТИЧНЕ ТОВАРИСТВО ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ
НАУЧНО-МЕДИЦИНСКОЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ
ОДЕСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ МЕДИЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ОДЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВАТ «ФАРМАЦІЯ» ● ОАО «ФАРМАЦИЯ»

УКРАЇНСЬКИЙ ГОМЕОПАТИЧНИЙ ЩОРІЧНИК

УКРАИНСКИЙ ГОМЕОПАТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ТОМ XI
(2008)

«К гомеопатическому наследию»
«До гомеопатичної спадщини»
«To the Homeopathic Heritage»

ОДЕСА
«АСТРОПРИНТ»
2008

Друкується за спільним рішенням Науково-медичного гомеопатичного Товариства Одеської області, Вченої ради Одеського державного медичного університету, ВАТ «Фармація»

Печатается по решению Научно-медицинского гомеопатического Общества Одесской области, Ученого совета Одесского государственного медицинского университета, ОАО «Фармация»

ГОЛОВНИЙ РЕДАКТОР
к.м.н. О.П. ІВАНІВ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
к.м.н. А.П. ИВАНІВ

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

к.м.н. І.О. Борзенко (Київ)
к.м.н. І.Ф. А. Варда (Білорусь)
проф. А.І. Гоженко (Одеса)
к.м.н. Л.П. Гуцол (Вінниця) –
заст. гол. редактора
Акад. АМН В.М. Запорожан (Одеса)
д.м.н. І.Я. Ёкста (Латвія)
к.м.н. Н.Б. Коваленко (Одеса)
Акад. РАПН А.А. Комісаренко (Росія)
д.фарм.н. О.О. Корвякова (Росія)
проф. Н.Є. Костинська (Київ)
проф. О. Коток (Ізраїль)
Акад. В.Й. Кресюн (Одеса)
к.м.н. О.П. Мошич (Київ)
к.м.н. Т.В. Новосадюк (Росія)
д.м.н. С.П. Песоніна (Росія)
засл. лікар Укр. Т.Д. Попова (Київ)
к.м.н. Н.К. Сімеонова (Київ)
д-р мед., філ. Й. Шмідт (Німеччина)

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

В.Ж. Біхунова (Київ, Україна)
к.м.н. З.М. Дергачова (Київ, Україна)
к.м.н. А.І. Завадська (Москва, Росія)
Д-р мед. Ж. Імберехтс (Брюссель, Бельгія)
Д-р мед. Г. Лукас (Атени, Греція)
Л.Є. Лурье (Москва, Росія)
О.М. Львова (Київ, Україна)
М.Ю. Ляхович (Москва, Росія)
к.м.н. І.В. Тимошенко (Москва, Росія)
О.А. Фатула (Москва, Росія)
О.Ф. Фінберг (Київ, Україна)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

к.м.н. И.А. Борзенко (Киев)
к.м.н. И.Ф. А. Варда (Беларусь)
проф. А.И. Гоженко (Одесса)
к.м.н. Л.П. Гуцол (Винница) –
зам. главн. редактора
д.м.н. И.Я. Ёкста (Латвия)
Акад. АМН В.Н. Запорожан (Одесса)
к.м.н. Н.Б. Коваленко (Одесса)
Акад. РАЕН А.А. Комиссаренко (Россия)
д.фарм.н. О.А. Корвякова (Россия)
проф. Н.Е. Костинская (Киев)
проф. А. Коток (Израиль)
Акад. В.Й. Кресюн (Одесса)
к.м.н. А.П. Мошич (Киев)
к.м.н. Т.В. Новосадюк (Россия)
д.м.н. С.П. Песонина (Россия)
засл. врач Укр. Т.Д. Попова (Киев)
к.м.н. Н.К. Симеонова (Киев)
д-р мед. и фил. Й. Шмидт (Германия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В.Ж. Бихунова (Киев, Украина)
к.м.н. З.Н. Дергачова (Киев, Украина)
к.м.н. А.И. Завадская (Москва, Россия)
Д-р мед. Ж. Имберехтс (Брюссель, Бельгия)
Д-р мед. Г. Лукас (Афины, Греция)
Л.Е. Лурье (Москва, Россия)
О.Н. Львова (Киев, Украина)
М.Ю. Ляхович (Москва, Россия)
к.м.н. И.В. Тимошенко (Москва, Россия)
О.А. Фатула (Москва, Россия)
Е.Ф. Финберг (Киев, Украина)

ЗМІСТ ЩОРІЧНИКА ■ СОДЕРЖАНИЕ ЕЖЕГОДНИКА ■ CONTENTS (2008)

ЗАМІСТЬ ВСТУПУ • ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	
Тимошенко И.В. <i>Жизненные вехи</i>	4
ТЕОРИЯ ТА ФІЛОСОФІЯ ГОМЕОПАТІЇ • ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ГОМЕОПАТИИ	
Скурту Т.П. <i>Что такое настоящее здоровье?</i>	8
ПИТАННЯ ВИКЛАДАННЯ МЕТОДУ • ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ МЕТОДА	
Девей А.В. <i>Лекарственное лечение хирургических болезней</i>	13
Львова О.Н. <i>История миазмов – история греха. К концепции хронических миазмов С. Ганемана</i>	14
Шарапова А.П. <i>Метаболический синдром (Синдром X)</i>	16
ОРГАНІЗАЦІЙНО-МЕТОДИЧНІ ТА ІСТОРІЧНІ ПИТАННЯ ГОМЕОПАТІЇ • ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГОМЕОПАТИИ	
Шмидт Й.М. • J.M. Schmidt <i>Гомеопатия и наука</i>	19
РОДИННА МЕДИЦИНА • СЕМЕЙНАЯ МЕДИЦИНА	
Костинская Н.Е. <i>Духовные принципы детских инфекций и их лечение</i>	33
Луценко И.М. <i>Гомеопатия и «домашняя медицина»</i>	36
ГОМЕОПАТИЯ И ЭКОЛОГИЯ • ГОМЕОПАТІЯ ТА ЕКОЛОГІЯ	
Самофал А.А., Шманская А.В., Иванив А.П. <i>Физические и духовные запахи как гомеопатические симптомы</i>	39
ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ • ПЕРЕГОРТАЮЧИ СТАРІ СТОРІНКИ	
ЖУРНАЛ «Вестник гомеопатической медицины», Одесса, 1903, №№1-12 (избранное).....	45
ЕКСПЕРИМЕНТАЛЬНІ ДОСЛІДЖЕННЯ • ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Гаупт А. <i>Демонстрация ad oculos действия малых доз</i>	64
Федоровский Н.Ф. <i>Фотография как неопровержимый свидетель</i>	65
ОБГОВОРЕННЯ • ОБСУЖДЕНИЕ	
Белобловский В.И. <i>О психике и психиатрии в гомеопатии</i>	67
Комиссаренко А.А. <i>Гомеопатия – нанотехнологическое направление лекарственной терапии</i>	69
ВИПАДКИ З ПРАКТИКИ • СЛУЧАИ ИЗ ПРАКТИКИ	
Виллерс, фон. <i>Три случая чисто гомеопатического излечения</i>	75
Гуцол Л.П., Гуцол Н.С., Цымбал И.П. <i>Целесообразность гомеопатического лечения больных, страдающих атопическим дерматитом</i>	77
Дехтярёва Л.Н. <i>С Днём рождения, доктор Ганеман</i>	79
Д-р Зифферт. <i>Клинические заметки</i>	82
Скарятин Н.В. <i>Летаргия, сон или обморок? Случай из практики</i>	84
ФОРУМ	
Ляхович М.Ю. <i>Эльфы, гномы, орки: мифологическая типология</i>	88
MATERIA MEDICA	
Молль Ф. <i>Туберкулин и высокие потенции</i>	92
Фатула О.А. <i>Препараты насекомых в гомеопатической практике</i>	93
Д-р Waddel <i>Серебро и золото</i>	95
10 РОКІВ ТОМУ • 10 ЛЕТ НАЗАД	
<i>Резюме лучших публикаций «Українського гомеопатичного щорічника» (2008)</i>	98
КОМПЛЕМЕНТАРНА МЕДИЦИНА • КОМПЛЕМЕНТАРНАЯ МЕДИЦИНА	
Борзенко И.А. <i>Иммунокінд – ефективная и безопасная коррекция иммунных процессов у детей</i>	101
ГОМЕОПАТИЧНА ФАРМАЦІЯ • ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ ФАРМАЦИЯ	
Иванив А.П. <i>Контроль качества в гомеопатии</i>	107
Луценко И.М. <i>Зачем существуют аптеки?</i>	111
РЕЦЕНЗІЇ • РЕЦЕНЗИИ	
Зеленин Ю.В. <i>Индийские записки врача-гомеопата или хождения за три моря (рецензия-репортаж с международного семинара в госпитале Париков (Агра, Индия)</i>	115
ВЕТЕРИНАРНА ГОМЕОПАТИЯ • ВЕТЕРИНАРНА ГОМЕОПАТІЯ	
Новосадюк Т.В. <i>Профилактика инфекционных заболеваний и возможности гомеопатии и нанотехнологий в ветеринарной науке</i>	118
ЗМІСТ ЩОРІЧНИКА ■ СОДЕРЖАНИЕ ЕЖЕГОДНИКА (2008)	122
ІНФОРМАЦІЯ ДЛЯ АВТОРІВ ■ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ■ INSTRUCTIONS FOR AUTHORS	123

❧❧❧

ГОМЕОПАТИЯ И НАУКА

Йозеф М. Шмидт, MD&PhD

Германия, г. Мюнхен

Homeopathy and science. J.M. Schmidt (Alemania, Munich)

Homeopathy combines both progressive-scientific and traditional-teleological elements - in a complex blend that is hard to untangle. Therefore, it is susceptible to all sorts of interpretations and "enhancements". This is the background of the current debate on homeopathy, which is unlikely to be resolved in the near future.

Введение

Ровно 200 лет назад, в 1807 году, Сэмюэль Ганеман придумал термин «гомеопатический», чтобы назвать им недавно обнаруженный метод лечения. Принцип, на котором он был основан, а именно лечение состояний болезни средствами, которые, в так называемых прувингах препарата, вызывают подобные признаки у здоровых людей, был уже опубликован Ганеманом в 1796 г. (*Similia similibus*). Однако, уже в 1805 году, когда он представил свою новую доктрину в учебнике, в виде монографии, он всё еще называл его просто «терапией опытом». Следовательно, только в 1807 г., он назвал эффект определённых целебных средств «гомеопатическим», и определил термин таким образом: «Гомеопатический - то, что имеет тенденцию вызывать *hómoion páthos*, то есть подобную болезнь» (GKS, 461). Посредством этого, недавно созданного слова, гомеопатия официально получила своё название в 1807 году, таким образом, представляя собою впервые своего рода сущность (реальность), которая, в свою очередь, была предпосылкой для последующей дорожки сквозь историю, по всему миру.

Несмотря на внушительную карьеру гомеопатии, в отношении её внешнего пространственно-временного распространения и становления, внутренние проблемы, относительно её содержания, нельзя упустить даже на её 200-летие. Как показали дебаты по гомеопатии, начатые Джулианом Уинстоном и др., на этот фирменный знак претендуют так много различных групп и подходов, что стало трудно найти общий знаменатель для всех этих различных течений или постичь что-либо определённое и значащее под словом гомеопатия. Одна из критических проблем в текущем обсуждении - та, которую можно найти в Интернете на www.grundlagenpraxis.de - является старым фундаментальным вопросом, занимающим гомеопатов и их критиков с самых начал: действительно ли гомеопатия - наука и, если так, то какая наука?

В настоящее время спектр ответов простирается от тезиса, что гомеопатия принадлежит герметико-эзотерической традиции алхимии или шаманства, и хорошо бы признать это и прекратить пробовать определить себя как естественно-научную медицину (Wichmann), до заявления, что гомеопатия является единственной формой медицины, способной не отставать от современного идеала науки в смысле аргюи-определённого и математического знания (Fräntzki). Между этими двумя полярными точками зрения могут быть найдены другие мнения, типа: будущая, основанная на свидетельствах, гомеопатия, могла бы сделать прорыв в науке, чтобы быть признанной как наука; или точка зрения, что как практически-терапевтическая наука, гомеопатия должна доказать свою ценность только практически, в индивидуальных случаях, и воздержаться от контролируемых клинических испытаний, или подобного, и т.д.

Причина, почему споры этого вида - об отношениях между гомеопатией и наукой, - являются настолько долговечными и трудными для нормального решения, - то, что понятия, к которым всё сводят, имеют историю сотен или тысяч лет, и включают много традиций и значений. Поэтому, нам кажется мудрым шагнуть назад и попробовать понять, что она фактически означает, и, какой ей должно быть: наука и гомеопатии.

Наука

«Наука» (с греч: *epistéme*), без сомнения, понятие, изобретенное древними греками, в смысле рационально основанного знания. Если в доисторические времена во всех культурах были, грубо говоря, две линии распространения знания: одна - была технической передачей практических событий и мастерства; другая была интеллектуальной передачей религиозных идей и правил; в древнегреческой философии она возникла как синтез двух традиций ремесла и духовенства. Прежде всего, Платон и Аристотель пробовали внести все практические и теоретические вопросы и проблемы в систему рациональных определений, фраз и заключений и, таким образом, объяснить их в разумной манере. Однако, ведущие интересы познания в антично-

сти и средневековье - в противоположность настоящему, – касались «какой» и «для чего» всех наблюдаемых явлений, то есть, их онтологической и целенаправленной сторон. При Аристотеле, всеобъемлющем и самом влиятельном мыслителе и исследователе Запада, наука состояла в обеспечении понимания и раскрытия значимых структур и процессов, в рамках вечного мирового порядка (хотя его определения и примеры, конечно, получены из ремесла и ежедневного опыта), достигая высшей точки в так называемом “*theoría*”, удовлетворении видения сущности ради себя самой, что, как вправду полагали, было самой высокой формой «*práxis*».

Западные взгляды продолжались, более или менее, в этом ключе до 2000 лет, пока появление главных политических, религиозных, социальных и экономических изменений (Ренессанс, реформация, открытие Америки), новые интересы познания, не нарушили их основ. С 17-го столетия - в противоположность античности - познание было нацелено почти исключительно на вопросы «как» и «каким образом», то есть функциональное и причинное объяснение явлений. Фон к всеобъемлющей новой основе науки Фрэнсиса Бэкона, Галилео Галилея и Исаака Ньютона был теперь пробужден, и впредь доминировавший интерес был в манипуляции и командовании естественными процессами и объектами. Это было сформулировано в 17-м столетии: парадигмой Фрэнсиса Бэкона, в его выражении «знание – сила»; изречении Рене Декарта «знание, чтобы сделать нас лордами и хозяевами природы»; или Томасом Хоббесом, который написал в *Левиафане*: «Знать вещь означает знать, что мы можем сделать с ней, когда мы имеем её». В результате было сделано всё больше и больше попыток объяснить все процессы жизни в математических и физических-химических терминах, или через принципы механики. Эта новая форма редуцированной науки достигла предварительного пика в 18-м столетии (1748) в книге J. O. de la Mettrie (Меттри) «Человек-машина». Если математика была ведущей наукой 17-го столетия (Декарт, Лейбниц, Ньютон), она была заменена физикой в 18-м столетии (Newton, Huygens), химией в 19-м столетии (Dalton, Liebig) и биологией в 20-м столетии (Watson/Crick, Eigen, Eccles). До начала современного времени науку не интерпретировали как систематический однородный подход к различным объектам. Классический канон образования *Artes liberales* (свободные искусства) включал определённые предметы, такие как грамматика, диалектика и риторика (*trivium*), арифметика, геометрия, астрономия и гармоника (*quadrivium*), а также университетские факультеты богословия, медицины, юриспруденции. Однако, далеко идущий раскол науки на гуманитарные и естественные не происходил до 18-19-го столетий.

В своём «*Novum Organon*» (1620) Фрэнсис Бэкон - ради уверенности власти над природой - уже пропагандировал ограничение на познание, достигнутое индуктивно через эксперимент и опыт. Однако само слово «естествознание» можно найти лишь с 1703 г. В 1786 г. Кант ввёл различие между «историческим» и «рациональным» («неподходящим» и «надлежащим») «естествознанием»; для него исторической была только «историческая доктрина природы», «содержащая лишь систематически упорядоченные факты естественных вещей», тогда как рациональным – «законы природы, образующие её основу, и должны быть признаны априорно».

В медицинском мире новая форма исследования, основанная на естественнонаучной методологии и экспериментах на животных, стала иметь значение особенно после конца философии природы. В частности, Клод Бернар (1813-1878) сжал заявление Декарта о сведении всех явлений, встречающихся у животных, к законам механики, к постулированию исключительной интерпретации живущих организмов как физически и химически определённых образований. Привязываясь к Канту, для которого «в каждой доктрине природы можно найти так много реальной науки, как есть математики, которая будет найдена в ней», Дюбуа-Раймон в 1872 г. сменил этот тезис, заменив «математику» «механикой атомов»: «Естественнонаучное познание физического мира с помощью и в смысле теоретической науки - прослеживается от изменения в физическом мире до движения атомов (...) или решением естественных процессов в механике атомов». Таким образом, естественнонаучное мышление существовало только в течение нескольких столетий и, особенно в медицине, по большому счёту, лишь около 150 лет. Однако, как показала намного более долгая культурная история медицины, ученые и доктора думали рационально задолго до «изобретения» естественных наук, они только делали это по-другому. Естественная научность может, поэтому, быть понята как определённая, относительно поздняя и специальная форма рациональности, а не наоборот.

Нужно помнить, когда необходимо высказаться против нечётко изложенных вопросов, типа: «Была ли гомеопатия с естественнонаучной точки зрения доказана?» или «Была ли гомеопатия с естественнонаучной точки зрения опровергнута?». Если окажется, что гомеопатия и естествознание, развившиеся оба в приблизительно то же время, в критические моменты обла-

дают не только подобием, но также и принципиальными различиями; то нельзя ожидать, что обе линии подтверждения и концептуального просто согласятся или закончат со счётом 1:1.

Однако, поскольку ценность или нехватка ценности принципов медицинской системы не могут быть оценены в другой системе координат, возражение о непереводе сомнительных категорий в естественнонаучный принцип названия - ещё не аргумент против этого. Уже на основе этого короткого исторического резюме, можно было бы понять, что естественнонаучная недоказуемость не то же самое, что простая нелогичность.

Естествознание

Прежде всего, однако, нужно рассмотреть, какого вида рациональность естествознания являет наука, и что она берёт из мира, жизни и человека, и каким способом это сделано.

Согласно идеализированной собственной концепции его представителей, естественнонаучный метод состоит из повторных циклов наблюдения, установления гипотез, создания предсказаний и испытания их в экспериментах, проверке или фальсификации, и т.д. Однако, решающим и симптоматичным для современного естественнонаучного пути восприятия мира является методическое ограничение наблюдения того, что является измеримым точно, то есть, что может быть определено количественно и воспроизведено. Таким образом, в естественных науках, особенно в физике, существуют, прежде всего, только измеренные ценности, в то время как для их отношений математические формулы и уравнения ищут и разрабатывают. Поэтому мир физики не состоит ни из людей, животных или растений; ни из зданий, таблиц или чашек (не говоря уже о идеях, ценностях), или даже болезней, которые могут быть вылечены, а исключительно из масс (инерция), силы, полей, волн, импульсов, угловых моментов, энергии, координат пространства и времени и т.д., и их математических отношений.

Вопреки общему убеждению, даже термин «материя» не может быть выведен из одной физики. Для научного философа Вольфганга Штегмюллера (ныне покойного) это было «остроумием с лестницы 20-го столетия», где термин «материя» - наиболее озадачивающий пункт науки, хотя каждый полагает себя знающим, что это означает. Вопреки логике нашего каждодневного языка, где каждое суждение о признаке должно быть соотнесено с соответствующей вещью, физика, очевидно, обходится без «материального основания» или «носителя изменения признаков», соответственно. Например, в физической теории поля не имеет значения, говорят ли о производящих поле массах, или рассматривают частицы просто как узлы или особенности в поле. Из-за относительного характера физических уравнений для классической электродинамики, а также для квантовой теории, есть логически эквивалентные формулировки, которые или сосредоточены на понятии частицы или на понятии поля. Таким образом, физика описывает не физический мир вокруг нас вообще, а, вместо этого, - стилизованный искусственный мир.

Тем более удивительно, что наше современное сознание (от нашего космологического представления о Вселенной и вековых устоев человечества о системе образования и здоровья, и, наконец, о современной медицине), однако, наиболее затронуто естествознанием и, по этой причине, должно быть обосновано. Материалисты только притворяются верующими в то, что может быть доказано согласно законам физики и математики; студенты-медики более не должны обязательно сдавать экзамен по философии, как это было в 19-м столетии; вместо этого - экзамен по физике и молекулярной биологии; теоретики самоорганизации и исследователи хаоса продолжают показывать, как жизнь, культура и религия, а также наше поведение, наши эмоции и наше мышление, могут быть исследованы и объяснены естественнонаучным путём. Кажется, прежде всего, что современные натуралисты ощущают себя в ответе за все области нашего существования, во-вторых, способными охватить все вещи нашего живого мира, и, в-третьих, компетентными дать окончательное их решение. Кроме того, иногда, по той же неотражённой предпосылке раздутого требования законности со стороны твёрдой науки, естественнонаучно ориентированные доктора заняты гомеопатией, которую (на основе наличных измеренных данных об отдельных параметрах, которые они получили) смешивают с данными, собранными из других терапий, не рассматривая специфичных идиосинкразий или особенностей.

Достаточно странно, что сегодня едва ли замечают наличие серьёзного различия между сущностью объекта (или самого объекта) и отдельными взвешенными данными этого объекта. Немецкий язык охватывает это различие посредством терминов «Physische» (физическое) и «Physikalische» (телесное), в то время как в английском языке оба понятия выражены одним словом «физический». Очевидно, это уравнивание, которое даже защищено некоторыми современными философами, основано на убеждении, что физическое (телесное) вокруг нас (автомобили, животные, растения и т.д.) является точно таким, каким наука физика его исследует и

кратко определяет. Поэтому, наука была бы только продолжением наших каждодневных взглядов, а «физическим» будет «телесное», которое всё ещё не определено. Тем же путём предполагают, что устройства (как микроскопы или телескопы), только расширили бы и очистили наше обычное восприятие. Таким образом, учёный наблюдает тот же мир, что и человек с улицы, но только точнее и детальнее. Однако, эти заявления игнорируют факт, что, глядя через микроскоп, можно действительно видеть молекулы, но не таблицы, камни, облака или реки. Однако, более серьёзной, чем эта неоднородность в восприятии, является неоднородность способа описания. В то время как мы описываем автомобили, животных и растения на естественном языке, мы же описываем, например, результат экспериментов дисперсии на теоретическом, формализованном языке математики, которая имеет полностью иные особенности, отличные от естественного языка. Но между естественными и формальными языками нет никакого континуума, взамен есть чёткий промежуток, поясняющий различие между «физическим» и «телесным» объектом. Когда физик описывает свои объекты посредством дифференциальных уравнений, они - математические функции, которые отображают пространственно определённые формы друг на друга, то есть они - математические отношения. Однако, здесь, ничто из соотнесенного не отличается, как что-то онтологически подлинное, или как значительная сущность, как это имеет место в естественном языке, где предикат всегда имеет отношение к предмету и поддерживает его признак. И в этой точной способности опознавать что-то как что-то, философы, от Аристотеля до Strawson, видели, что мир развивал силу естественного языка.

Но если физика не описывает живой мир, окружающий нас, а вместо этого надуманный, искусственно построенный мир, и если, кроме того (из-за успеха естественных наук), гуманитарные науки находятся под огромным давлением, чтобы принять естественнонаучный метод в их области, также (см. историзм, бихевиоризм, экспериментальную психологию, социобиологию, когнитивистику, и т.д.) можно спросить, что случилось с нашим знакомым и живым миром, для которого естествознание, очевидно, не имеет никакого языка. Т.к. с XIX столетия рациональность была помещена на один уровень с естественнонаучной объяснимостью, этим фатальным коротким замыканием элементарных аспектов жизни (таких, как человеческие действия, чувства и размышления; тем более, искусство, культура, вера, любовь и этика, или такие явления - болезнь, здоровье и излечение) исчезают в серой области нелогичности и произвольности, для которой, в строгом смысле, не должно быть никаких научных категорий. Эта утрата нашего мира, однако, является, так сказать, самодельной, то есть она нанесена самим себе умственным «сокращением» всех явлений жизни к количественно измеримым данным. Это можно продемонстрировать, взглянув в историю науки - при условии, что возвращаемся ко времени так называемой научной революции 17-го столетия, то есть к сравнительно гомогенному периоду 2000 лет, который был почти исключительно сформирован Аристотелизмом.

Аристотель

Весьма справедливо Аристотеля считают основателем «науки жизни». Вопреки Платону, его учителю, философия которого достигла кульминации в довольно статической доктрине идей, предметом Аристотеля было объяснение движения (греч: *kínesis*); фактически, в его самом широком смысле; то есть, не только движение из одного места в другое, но также становления и прохождения; а также количественные и качественные изменения (греч: *alloíosis*, *metabolé*). Как основные категории для научной оценки этих явлений, Аристотель использовал термины потенциала (греч: *dýnamis*, латинский: *potentia*) и действительности (греч: *enérgeia*, лат: *actus*). Этим путём движение любого вида могло вообще пониматься как актуализация (реализация) потенциальной возможности. Аристотель преднамеренно задумал свою теорию настолько широко, что (вопреки современному естествознанию, которое только знает и наблюдает перемещения от А до В) это могло бы быть применено к любому виду движения, к росту растения, а также к изменению чувств или смене сезонов.

Укоренение Аристотеля в мире живых существ и его технико-практический подход к природе, проявляют себя и в другом базовом термине, который он использует в своей физике, - термине «сущности» (греч: *ousía*, лат: *essentia*). Каждый, кто действительно существует, может быть понят, как составленный из своего вещества (материи) (греч: *hýle*, лат: *materia*) и формы (греч: *morphé*, лат: форма). Вещество (материя) и форма, однако, просто рефлексивные термины, которые не могут существовать независимо. Следовательно (вопреки современному материализму) неверно утверждать, что что-то подобное веществу могло существовать, но что всё, что мы когда-либо в состоянии наблюдать, понимать, и воображать, всегда является чем-то, существом, и поэтому материей, которая уже была сформирована. Следуя этому, стать (греч:

génésis) представляет переход от неуверенности (потенциальная возможность) первичного вещества (материи) в уверенность (действительность) формы, и, таким образом, есть переход (kínesis) из небытия в бытие. Однако, из этого, можно чётко описать только результат, который имеет существо (бытие) как его форма.

Вопреки этому, в современной физике есть лишь переходы от определённых состояний к другим определённым состояниям. Здесь проблема Аристотеля kínesis не происходит вообще, как заключение, происходящее из математической формулировки. Математические функции всегда объединяют определённые состояния друг с другом. Это - причина, почему Аристотель исключил применение математики к kínesis - NB, и не из-за своего невежества в математике; скорее, из-за понимания её ограниченности. «Фактически ни один из математических объектов не двигается», - написал он в своём трактате в движении животных (MA 698a). Поэтому, чтобы охватить конкретное становление, Аристотель был вынужден оставить математику (несмотря на это, или из-за кажущегося особого «отсутствия чувства времени математических объектов»).

Это понятие движения, неопределимое математическим способом, могло стать уместным непосредственно в гомеопатии, когда полагают, что Аристотель аналогичным способом расценил переход здорового состояния человека к больному (и наоборот) как качественное изменение (alloíosis), так, чтобы эта форма движения (kínesis) также была доступна для научного понимания посредством его категорий. Напротив, применяя категории естествознания, можно пробовать или описать сложные процессы в виде заболевания, или выздоровление на уровне перемещений молекул, или, в целом, избежать таких терминов. Следовательно, самое важное, что термин «заживление» больше не существует в современных медицинских словарях, так как это отходит от естественнонаучной формы рациональности.

Другая категория науки Аристотеля, которая была устранена современным естествознанием, имеет важное значение для гомеопатии: ориентация цели (телеология) всего существа. Основана на способе живого мира испытывать себя и мир в греческом *rólis* и, прежде всего, в технико-практическом отношении к природе, Аристотель признал, что всё сущее имеет право стремиться к цели (греч: *télos*), однако, в различной степени: от слепого стремления кинуть камень в центр земли до неосознанного стремления животных к самосохранению и воспроизводству породы, и, наконец, к сознательному стремлению человека к счастью и мудрости.

В доктрине четырёх причин Аристотеля, причина цели (*causa finalis*) даже играет самую важную, ведущую роль, т.к., как он объясняет примером дома, который обязан своему существованию точно этим же четырём причинам - без строителя-владельца (*causa finalis*) камни и балки (*causa materialis*) не были бы соединены мастерами (*causa efficiens*) в соответствии с планом архитектора (*causa formalis*).

В большинстве случаев определённая цель может быть достигнута различными средствами, и определённые средства могут служить различным целям (чтобы быть полным, можно есть сосиски так же, как и сыр; молоток может служить, чтобы забить гвозди в стену и, также, разбить оконное стекло). Таким образом, вопреки причинному соединению причины и следствия, существует случайные соотношения цели и средств (что означает, что также могут быть другие решения). В сегодняшней терминологии: «отношения многих со многими». Поэтому, не может быть однозначности в телеологическом мышлении. И телеология - форма «гипотетической необходимости» (греч: *anágke ex hypothéseos*), которая является существенно отличной от «причинно-механистической» потребности. Например, чтобы пила функционировала как пила, она должна быть сделана из железа - но не обязательно, потому что любой другой жёсткий материал также бы подошёл. Однако, понимание цели пилы позволяет считать железо полезным материалом и сказать: если пила сделана из железа (а не из резины или воды, или подобного), она может или будет работать - если ничто не помешает.

Аристотель применил этот термин «гипотетической необходимости» к природе, и отделил его от «механически» действующей необходимости, которой ограничена современная физика. Он полагал, что природа была зависима от истории и значения, начало которых может быть объяснено лишь знанием конца. Только из цели, которая выходит на первый план, и только в конце (когда это было понято), возможно будет судить, действительно ли причины и принципы имели смысл, и, таким способом, мы сможем «постичь» природу.

Так как телеологический взгляд по природе как начало не допустим (современное естествознание), а скорое восстановление в будущем, в строгом смысле, возможно, но непредсказуемо (так же, как нельзя определить точно, высаживая дерево, какую форму оно примет), то, с другой стороны, термин «сущность» или «ousía» действительно позволяет удержание и специ-

фикацию суждений о дальнейшем развитии предмета или процесса. Так как потенциальные возможности любого существа ограничены, то и его актуализация имеет место в пределах определённых границ (греч: *péras*), и они могут быть известны, как только будет проанализирована его сущность. Так же, как это свойственно природе собаки (лаять, а не петь), инженер знает, какие качества являются присущими определённому материалу и то, как он может быть использован в силу этих качеств. Из этой перспективы даже «неосуществленные потенциальные возможности» вещества выполняют ясные критерии идентичности. Однако, следует полагать, что можно знать о потенциальной возможности, только если это было понято ранее (лишь те могут утверждать, что они могут играть на фортепьяно, кто фактически играл на фортепьяно ранее; или, по отношению к гомеопатии: чтобы определённое средство что-то вызвало или вылечило, может потребоваться определённый симптом, только если этот препарат фактически делал это прежде, например, при его прувинге). В этом отношении действительности Аристотеля всегда предшествуют потенциальные возможности.

Из многочисленных вдохновляющих мыслей Аристотеля должна быть избрана последняя, которая, вероятно, будет также интересна в гомеопатии. В отношении вещества (материи) (*hýle*), конечно, форма (*morphé*) есть производное; таким образом, последнее не может быть выведено из первого (например, нельзя определить использование компьютера, глядя на переплетение его проводов, или использование лампочки, глядя на её компоненты). С другой стороны, вещество (материя) не только служит основанием потенциальной возможности для формы, но также и её помехой. Огромность вещества (материи) в сравнении с формой и фактом, и то, что оно является неисчислимым и непредсказуемым, - известный факт в кустарном промысле, - является другой проблемой, которую больше не рассматривают адекватно и понимают концептуально, соответственно сегодняшнему естествознанию. Вместо этого, каждый пробует избавиться от проблемы, устраняя как хлам все материалы, которые показывают наименьшее отклонение от predetermined стандарта, и заменяя их сменными частями, которые должны быть настолько прекрасны (совершенны), насколько возможно.

Так как представления естествознания так зафиксированы на исчисляемости материального, а технические катастрофы приписывают скорее человеческой ошибке, чем случайности вещества (материи), и его преимущественно стойкому характеру, даже когда реальной причиной, возможно, была уязвимость...

Эта проблема могла бы также коснуться гомеопатов, там, где, совращённые идеалами современного естествознания и верящие в исчисляемость материального мира, в случае, когда терапия терпит неудачу, скорее обвинят себя, чем препарат, пациента или основное состояние. Те, кто думает и действует в категориях Аристотеля, однако, могли бы рассмотреть сопротивление или дисперсионность материала как причину. Как принцип, гомеопаты должны приветствовать понятие Аристотеля о неисчисляемости материи, так как это позволяет научно выражать и объяснять решающее различие между их практикой индивидуализации и теорией обобщения научной медицины.

Два вида науки

После этого отступления в предысторию современной науки, фундаментальное различие между двумя опытными образцами науки может стать очевидным.

- С одной стороны, Аристотелева наука, которая получает её понятия, принципы и концепции из опыта самого человека в живом мире, проявляющегося чувствами; которая основывает свои объяснения различных естественных явлений и технических процессов на парадигме целенаправленного стремления и ручного производства средств в определённых целях.

- С другой стороны, современная наука, которая – руководствуясь мирскими интересами в команде природы - выборочно наблюдает и исследует только те аспекты мира, которые могут быть измерены и взвешены, и принесены в отношение друг с другом математически точным способом.

Ганеман жил и действовал почти точно на границе между этими двумя большими блоками традиций науки. Даже при том, что некоторые корни современного типа естествознания могут быть прослежены назад, до 13-го столетия (Роджер Бэкон), экспериментирование, измерение и использование математики, чтобы изучить природу, стало новой научной парадигмой среди учёных только в 17-м столетии, темой обсуждения среди широкой публики - лишь в 18-м столетии, и главной проблемой для медицины не ранее 19-го столетия.

С другой стороны, аристотелевы взгляды доминировали над обучением в университетах до XVIII-XIX столетий; на факультетах медицины, во многих случаях, - в комбинации с Галенизмом и гуморальной патологией – мишенями полемики Ганемана в течение всей его жизни.

Эпоха Просвещения, в которую был рождён Ганеман, была полностью заполнена импульсом – от ослепления материальным успехом естествознания в технологии, сельском хозяйстве и экономике, а также вдохновения верой в непрерывное, постоянное, - чтобы осветить многие, еще «не просвещенные» области жизни насколько это возможно рациональным способом (который, с этого времени, означал, прежде всего, причинный-механический).

По аналогии с Ньютоном, основавшим современную физику как естествознание, Кант намеревался превратить метафизику в строго априорную науку; поэтому Ганеман считал своей задачей поднять медицину до позиции положительной науки, следуя этим двум образцам.

Тогда, приблизительно в 1800 г., - вопреки сегодняшнему времени - не было полностью ясно, что однажды «научная медицина» станет эквивалентной «естественнонаучной медицине». Чрезмерный плюрализм отживающих систем, которые сначала заставляли Ганемана отчаиваться в медицине, скорее отражали общую атмосферу переворота, который буквально призывал к новой однородной парадигме.

В этом Ганеман был очень прогрессивен для своего времени, когда выбирал - в максимально возможной степени - естественнонаучный метод, который полвека спустя фактически даровал медицине универсальную и однородную парадигму, принятую сегодня во всём мире, благодаря Рудольфу Вирхову, Роберту Коху и другим (клеточная патология, бактериология). Таким образом, Ганеман попробовал базировать свою новую доктрину терапии на критериях, которые, наконец, стали стандартными только после его смерти.

Например, проводя прувинги препарата, он использовал здоровых людей, отдельные средства и строгие методические и диетические инструкции, очевидно, чтобы приблизить новый идеал естественнонаучного эксперимента, согласно которому только одна переменная (настолько гомогенной основы, насколько это возможно) должна быть изменена при постоянных основных состояниях, и результаты будут объяснены. Также эмпиризм (влиятельное течение мысли в то время, особенно в Англии, который, как оказалось, стал законодательным позже), к которому присоединился Ганеман, поскольку он также - относительно прувинга препарата, взятия случая и последующей экспертизы – верил в возможность чистых, неоспоримых наблюдений, только согласно естественнонаучной модели регистрации объективных, имеющих размеры данных, используя технические устройства.

Ганеман, преобразовывая медицину, имел научный идеал космически-разовых инвариантных законов природы и, таким образом, уверенность и предсказуемость памяти, когда он преобразовывал медицину. Это часто видно в его работах, например, когда он заявил, что гомеопатия однажды «приблизит математические науки в показателях надёжности» (Органон VI, § 145/1; Органон V, § 145/1: «уверенность»). То, что всё ещё отсутствует, - точные «наблюдения» нескольких испытателей препарата, Ганеман продолжил в виде объяснения естественнонаучного метода индукции, другого прогрессивного метода в те дни, согласно которому универсальные законы должны быть получены из настолько многих индивидуальных наблюдений, насколько возможно. Это был выбор нескольких научных элементов концепции рациональной терапии Ганемана. Но лишь одно это, однако, не делает и не будет достаточным для того, чтобы узаконить гомеопатию (если бы это было так, гомеопатию давно признавали бы университеты и, соответственно, она стала бы господствующей медициной).

В целом, система исцеления Ганемана скорее скреплена рационализмом, мощной школой философии 18-го столетия, которая предполагала, что мир основан на разуме, который человек - посредством своего разума - в состоянии признать. Это понятие разума, однако, не было ограничено естественнонаучными категориями, и, таким образом, могло сосредоточиться фактически на любой области жизни: природа, культура, религия, антропология, этика и т.д. Поскольку Ганеман также частично поддерживал эту традицию, которая, в свою очередь, была «осовремененным» видом учения Аристотеля, он всё ещё мог одновременно использовать понятия и модели аргументации, которые были несовместимы с естественнонаучным подходом, который всё более и более пропитывал медицину.

Понятия, типа патогенетических или лекарственных «потенций», буквально демонстрируют Аристотелеву категорию «потенциальной возможности» (лат: *potentia*), на которой они основаны, в то время как то же слово содержат и такие понятия, как «*dynamis*» или «динамическое», на греческом языке (греч: *dynamis*). Понятие «жизненной силы» Ганемана, в свою оче-

редь, кажется, попыткой рационалистической версии понятия Аристотеля «Entelechia» (греч. entelecheia: целенаправленное стремление существ), которое, вслед за физикой Ньютона, однако, должно быть выражено в естественнонаучной терминологии, таким образом, в термине «сила». И принцип подобия не соответствует естественнонаучному набору терминов; всё же, он действительно соответствует Аристотелевому схоластическому понятию аналогии и античному выводу по аналогии. Чтобы установить принцип подобия как единственно возможный и истинно целебный принцип, Ганеман был, в конечном счёте, вынужден привлечь все доктрины рационализма (доброжелательный и мудрый создатель, высокое духовное и моральное предназначение человечества), которые вновь-таки основаны на Аристотелевой доктрине телеологии.

Как показывают эти немногие примеры, гомеопатия имеет, по крайней мере, два корня, которые могут быть исторически прослежены в других традициях науки.

- С одной стороны, как практик, Ганеман мог всё ещё (во время переворота приблизительно в 1800 году) привлечь, прежде всего, жизненные практические категории греческой, латинской и арабской классики (вкратце Aristotelism),

- с другой стороны, как теоретик, Ганеман был уже захвачен импульсом превратить медицину в естествознание в смысле предсказуемого, математического безопасного знания.

В этом отношении гомеопатия объединяет и прогрессивно-научные и традиционно-целенаправленные элементы - в сложной смеси, которую трудно распутать. Поэтому она восприимчива ко всем видам интерпретаций и «улучшений». Это - фон текущих дебатов по гомеопатии, которые вряд ли будут разрешены в ближайшем будущем.

Точка зрения истории науки

Из перспективы истории науки, прежде всего, нужно рассмотреть три вещи:

1. Должен быть поддержан факт, что гомеопатия является практической деятельностью (греч. praxis) ради излечения больных людей. Её успех в индивидуальном лечении пациентов, и её распространение по всему миру, и популярность, - говорят сами за себя. Придерживаясь метода, который структурирован и постижим, согласно традиционным научным критериям, гомеопатия - практическая наука (по крайней мере, в классическом Аристотелевом смысле). Понимать и признавать это всё ещё не легко сегодня, поскольку мы очень сосредоточены на естествознании. Однако это была бы твёрдая позиция. С другой стороны, можно лишь отказаться от искушения требовать большего от гомеопатии, чем её принципы позволяют оправдывать («уверенность в излечении» и т.д.).

2. Заявление, что гомеопатия должна быть естествознанием в современном смысле понятий; ведь с точки зрения Ганемана, и из-за общего оптимизма эры прогресса, было всё ещё невероятно, что использование естествознания принесёт человечеству не только выгоды, но также опасности и катастрофы. По крайней мере, сегодня это кажется намного менее привлекательной, чем имело обыкновение быть. Что, казалось, было прогрессивным и многообещающим в принципах естествознания в начале современного времени, теперь, вследствие постсовременной перспективы, стало жертвой деконструктивизма. Конструктивизм подверг эмпиризм обвинению в наивности иллюзий, с аргументом, что каждое наблюдение является гораздо большим построением со стороны предмета, а не только нейтральным восприятием объектов. Естественнонаучный метод индукции и фальсификации был разоблачён как эгоцентричная идеология теоретиков науки, таких как Томас Кун или Пол Фейерабенд; больше того, научное производство реального мира следует больше социальным и денежно-кредитным интересам, чем так называемым критериям установления правды. Концепция линейной причинной связи, исчислимости и предсказуемости мира, на которой основана физика Ньютона, была, наконец, помещена в перспективу исследования хаоса, и что она может быть не более чем специальным случаем (в искусственной закрытой системе), в пределах Вселенной нелинейных процессов. Как можно видеть, естествознание сегодня, рассматривая основу и последующие затраты, не без кризиса и критиков, и, возможно, больше не лучший союзник врачам-холистам.

3. На фоне экологических катастроф и тревожных побочных эффектов лекарств, раздаваемых обычной медициной, длительные повреждения беспрепятственно господствующего естествознания во всех областях жизни сегодня рассматривают критически. Следовательно, не только гомеопатия, но также и общество в целом, стоят перед вопросом с призывом лучших, уравнивающих отношений между естественнонаучной теорией и жизненной практикой. Когда господство естественнонаучных теорий в современном представлении мира и наших действий более ясно будут связано с опасностью физической, психологической и умственной мировых потерь, этот наш, нагруженный теориями, подход к миру, потребует противовеса дополнительных

подходов к жизни, которые придадут жизненной практике более высокий вес. Например, каков есть человек, преподаватель или гомеопат, мы знаем лучше всего и наиболее глубоко, когда мы сами, через собственную практику, понимаем сущность и в состоянии заниматься этим и, если возможно, воспринимать это в научных терминах. Напротив, теоретическая физика не понимает ничего из практического и живого, фактически не может даже сказать, что такое материя (вещество). Следовательно, мы не можем ожидать, что она, или ориентированное на физику естествознание, когда-либо объяснит сущность гомеопатии.

Но как только уяснить, что проведение научных исследований - самостоятельная человеческая деятельность, которая всегда предполагает наличие человека (которого она пробует постичь) и его практической деятельности, тогда будет сделан первый шаг к переопределению статуса естественнонаучной теории в нашей жизни, а также в медицине.

В этом контексте жизненные практические категории, как представлено в «науке жизни Аристотеля», могут в будущем подняться до неожиданной высот (релевантности). От этого, по моему мнению, гомеопатия могла бы только извлечь пользу.

HOMEOPATHY AND SCIENCE

Josef M. Schmidt

Alemania, Munich

Introduction

Exactly 200 years ago, in 1807, Samuel Hahnemann coined the term “homeopathic” to denominate his newly discovered treatment method. The principle upon which it was founded, namely the treatment of states of illness with remedies that in so-called drug provings provoke similar symptoms in healthy people, had already been published by Hahnemann in 1796 (*Similia similibus*). However, as late as 1805, when he presented his new doctrine in a text-book like monograph, he still called it simply “therapeutics by experience”. Hence, it was not until 1807 that he named the effect of certain healing remedies “homeopathic” and defined the term in this way: “Homeopathic is what tends to evoke a *hómoion páthos*, i.e. a similar ailment” (GKS, 461). By means of this newly created word homeopathy officially was bestowed its name in the year 1807, thus constituting itself for the first time as a kind of entity (substantiality) which in turn was the precondition for its subsequent path through history and around the world.

Despite homeopathy's impressive career in regard to its external spatio-temporal spread and institutionalisation, the internal problems, as to its contents, cannot be overlooked on its 200th name day. As the debate on homeopathy set off by Julian Winston and others shows, this brand-name has been made claim on by so many different groups and approaches that it has become difficult to find a common denominator for all these varying currents or to comprehend anything specific and meaningful under the word homeopathy. One of the crucial issues within the current discussion – which can be referred to on the internet at www.grundlagen-praxis.de – is the old fundamental question which occupied homeopaths and their critics since the beginning: is homeopathy a science and, if so, what kind of science?

At the moment the spectrum of answers stretches from the thesis that homeopathy belongs to the hermetic-esoteric tradition of alchemy or shamanism and would be well advised to admit this and cease trying to define itself as a natural-scientific medicine (Wichmann), to the claim of homeopathy being the only form of medicine able to keep up with the modern ideal of science in the sense of apriori-certain and mathematical knowledge (Fräntzki). Between these two extreme points of view, other opinions can be found, such as: a future, evidence-based homeopathy could bring the breakthrough to being recognised as a science; or the standpoint that as a practical-therapeutic science, homeopathy has to prove its worth in practice with individual cases only and refrain from controlled clinical trials or the like, etc. The reason why disputes of this kind – about the relationship between homeopathy and science – are so long-lived and difficult to solve normally is that the notions to which all comes down have a history of hundreds or thousands of years and comprise many traditions and meanings. It may therefore appear wise to take a step back and try to bring to mind what it actually means and what it should be: science and homeopathy.

Science

“Science” (Greek: *epistémē*) is, without doubt, a concept invented by the ancient greeks, in the sense of rationally founded knowledge. If in prehistoric times there were, roughly speaking, in all cultures two lines of propagation of knowledge, one being the technical transfer of practical experiences and craftsmanship, the other being the intellectual transmission of religious ideas and rules, in greek antiquity philosophy emerged as a synthesis of the two traditions of handcraft and priesthood. First and foremost Plato and Aristotle tried to bring all practical and theoretical questions and problems into a system of rational definitions, phrases and conclusions and thus explicate them in a reasonable manner. However, the cognition-leading interests in all antiquity and the middle ages – as opposed to the present – referred to the “what” and “what for” of all observed phenomena, i.e. to their ontological and teleological (goal-oriented) dimension. With Aristotle, the all-embracing and most influential thinker and researcher of the occident, science consisted in bringing to mind and disclosing meaningful structures and processes within the scope of an eternal world order (although his definitions and examples certainly derived from handcraft and everyday experience), culminating in the so-called “*theoría*”, a gratifying entitative vision for the sake of itself, that was indeed considered to be the highest form of “*práxis*”.

Occidental thinking more or less persisted within this scope for 2000 years, until, in the wake of major political, religious, social, and economical changes (renaissance, reformation, discovery of America), new interests of cognition broke their ground. From the 17th century – as opposed to antiquity – cognition was aimed almost exclusively at the question of the “how” and “whereby”, i.e. the functional and causal explanation of phenomena. The background to the all-embracing new foundation of science by Francis Bacon, Galileo Galilei and Isaac Newton was the now aroused and henceforth dominating interest in the manipulation and command of natural processes and objects. This was formulated in the 17th century paradigmatically by Francis Bacon in his expression “knowledge is power”, by René Descartes’ dictum “knowledge to make us lords and masters over nature” or by Thomas Hobbes, who wrote in the *Leviathan*: “To know a thing means, to know, what we can

do with it, when we have it". As a result, also life processes were increasingly attempted to be explained in mathematical and physical-chemical terms or through principles of mechanics. This new form of reductionist science reached a preliminary peak in the 18th century (1748) with J. O. de la Mettrie's book "L'homme machine" (the machine man). If mathematics was the leading science of the 17th century (Descartes, Leibniz, Newton), it was replaced by physics in the 18th century (Newton, Huygens), chemistry in the 19th century (Dalton, Liebig), and biology in the 20th century (Watson/Crick, Eigen, Eccles).

Until the beginning of modern times science was interpreted as methodically congeneric approach to various objects. The classic canon of education of the *Artes liberales* (free arts) comprised certain subjects such as grammar, dialectics, and rhetoric (trivium), arithmetic, geometry, astronomy, and harmonics (quadrivium) as well as the university faculties, theology, medicine, and jurisprudence. However, the far-reaching splitting up of science into humanities and natural sciences did not occur until the 18th and 19th century.

In his "Novum Organon" (1620) Francis Bacon had – for the purpose of an assured check on nature – already propagated a restriction on cognitions attained inductively through experiment and experience. Yet, the word "natural science" itself can only be found since 1703. In 1786 Kant made a distinction between "historical" and "rational" (or "improper" and "proper") "natural science", whereby, for him, the historical one was only a "historic doctrine of nature", "containing nothing but systematically ordered facts of natural things", whereas in the rational one "the laws of nature which form its basis must be cognised a priori".

Inside the medical world the new form of research based upon natural-scientific methodology and animal experiments gained significance especially after the end of philosophy of nature. In particular Claude Bernard (1813–1878) tightened Descartes' agenda of reducing all phenomena occurring in animals to the laws of mechanics, to the postulate of an exclusive interpretation of living organisms as physically-chemically determined formations. Tying up to Kant for whom "in every doctrine of nature one can only find as much real science as there is mathematics to be found in it", Du Bois-Reymond in 1872 changed this thesis by replacing "mathematics" by "mechanics of atoms": "Natural scientific cognition of the physical world with help and in the sense of theoretical science – is tracing back the changes in the physical world to movements of atoms (...) or the resolution of the natural processes in mechanics of atoms".

Thus, natural-scientific thinking has only existed for a few centuries and, especially within medicine, on a grand scale only since about 150 years. However, as the much longer cultural history of medicine shows, scientists and doctors have been thinking rationally long before the "invention" of natural sciences, they were just doing it differently. Natural scientificity can therefore only be understood as a certain, relatively late and specialised form of rationality, and not the other way round. This has to be kept in mind when it becomes necessary to take a stand against heedlessly posed questions such as: "has homeopathy been natural-scientifically proven?" or "has homeopathy been natural-scientifically disproven?" If it should turn out that homeopathy and natural science, both of which evolved at about the same time, in crucial points possess not just similarities but also differences in principle, then it cannot be expected that both horizons of affirmation and conceptual fields simply concur or translate 1:1 into each other. However, because the value or lack of value of principles of a medical system cannot be assessed by another, different coordinate system, the objection of untranslatability of questionable categories into the natural-scientific pattern of terms is not yet an argument against it. Already on the basis of this short historical recapitulation it might be possible to realise that natural-scientific unprovability is not the same as plain irrationality.

Natural Science

First of all, however, it should be considered of what kind of rationality natural science is, and what it grasp of the world, of life, and of man, and in which way this is done.

According to the idealised self-conception of its representatives, the natural-scientific method consists of repeated cycles of observing, establishing hypotheses, making predictions and testing them in experiments, verification or falsification, etc. However, decisive and symptomatic for the modern natural-scientific way of perception of the world is the methodical restriction to the observation of what is measurable exactly, i.e. what can be quantified and reproduced. Thus to natural sciences, especially to physics, primarily there exist measured values only, while for their relations mathematic formulas and equations are looked for and developed. Therefore the world of physics neither consists of humans, animals, or plants, nor of houses, tables, or cups, not to mention ideas, values, or even illnesses that can be cured, but exclusively of masses (inertia), forces, fields, waves, impulses, angular momentums, energies, coordinates of space and time, etc., and their mathematical relations.

Contrary to general belief, not even the term "matter" (material) can be deduced from physics alone. To the philosopher of science Wolfgang Stegmüller (deceased) it was the "staircase wit of the 20th century" that the term "matter" is science's most puzzling item although everybody believes to know what it means. Contrary to the logic of our everyday language where each proposition on an attribute must refer to a corresponding thing, physics apparently does without "material substrate" or "carrier of changing attributes" respectively. For example, in physical field theory it does not matter whether one talks about field-producing masses, or considers particles merely as nodes or singularities in a field. Because of the relational character of physical equations, for classical electrodynamics as well as for quantum theory there are logically equivalent formulations which either focus on the concept of particle or on the concept of field. Thus physics does not describe the physical world around us at all, but instead a stylized artificial world.

All the more it is amazing that our modern consciousness – from our cosmological view of the universe and secular view of mankind to the educational and health system, and finally to modern medicine – nevertheless is predominantly affected by natural science and for this reason is supposed to be well-founded. Materialists pretend to only believe what can be proven by laws of physics and mathematics, students of medicine no longer need to pass a compulsory "examen philosophicum", as it was the case during the 19th century, but an "examen physicum" instead, and molecular biologists, self-organization theorists, and chaos researchers keep showing us how life, culture, and religion, also, our behaviour, our emotions, and our way of thinking can be explored and explained in a natural-scientific way. It seems that first of all modern natural scientists perceive themselves as being in charge of all areas of our existence, secondly, as being capable to grasp all things of our lifeworld, and thirdly, as being competent to render a final judgement on them. Also, occasionally, on the same non-reflected precondition of an inflated claim of validity on the part of hard science, natural-scientifically oriented doctors engage in homeopathy which – on the basis of measuring data of single parameters they obtain – they lump together with data collected from other therapies, without considering particular idiosyncracies or peculiarities.

Oddly enough today hardly anybody notices that there is a serious difference between the essence of an object (or the object itself) and single measured data of this object. The German language covers this distinction by dint of the terms “das Physische” (the bodily) and “das Physikalische” (the physicalistic), while in English both notions are expressed by the same word “physical”. Apparently, this equalization which is even defended by some modern philosophers is based on the conviction that the physical (the bodily) around us (cars, animals, plants, etc.) is exactly what the science of physics examines and concisely defines. Therefore, science would be nothing but a continuation of our everyday thinking and the “bodily” would be the “physicalistic” which has not been brought to itself yet. The same way it is assumed that devices like microscopes or telescopes would only extend and refine our usual perception. Thus the scientist observes the same world as the man in the street, but only more accurately and more detailed.

However, these claims ignore the fact that looking through a scanning tunnelling microscope one may indeed be able to see molecules, but not tables, stones, clouds, or rivers. However, more serious even than this discontinuity in perception is the discontinuity of the mode of description. While we describe cars, animals, and plants in a natural language we describe e.g. the result of dispersion experiments in a highly theoretical, formalized language of mathematics which has totally different characteristics than natural language. But between the natural and formal languages there is no continuum, instead, there is a distinct gap which accounts for the difference between “bodily” and “physicalistic” objects. When a physicist describes his objects by way of differential equations these are mathematical functions which map extensionally defined sets onto each other, i.e. these are mathematical relations. However, here, none of the relates is distinguished as something ontologically original, or as a substantial entity, as it is the case with natural language where a predicate always relates to a subject and stands for its attribute. Precisely in this ability of identifying something as something philosophers from Aristotle to Strawson saw the world developing power of the natural language.

But if physics does not describe the lifeworld surrounding us but instead a factitiously constructed artificial world, and if in addition – due to the success of the natural sciences – the humanities are under enormous pressure to adopt the natural-scientific method in their field, too (see historicism, behaviorism, experimental psychology, socio-biology, cognitive sciences, etc.), one may ask what has become of our familiar and lively world, for which natural science obviously has no language. Since, from the 19th century, rationality has been put on a level with natural-scientific explainability, by this fatal short-circuit elementary dimensions of life, such as human acting, feeling, and thinking, but a fortiori the arts, culture, faith, love, and ethics, or phenomena like sickness, health, and healing disappear in a grey area of irrationality and arbitrariness for which, in a strict sense, there should not exist any scientific categories. This loss of our world, however, is home-made, so to say, i.e. it is self-inflicted by the mental reduction of all phenomena of life to quantifiable measuring data. This can be demonstrated by a glance into the history of science – provided that one goes back to the time before the so-called scientific revolution of the 17th century, i.e. to the comparatively homogenous period of 2000 years which was almost exclusively shaped by Aristotelism.

Aristotle

Quite rightly Aristotle is considered the founder of the “science of the living”. Contrary to Plato, his teacher, whose philosophy culminated in a rather static doctrine of ideas, Aristotle’s issue was the explanation of movement (Greek: *kinesis*), in fact in its broadest sense, i.e. not only the movement from one place to another but also the becoming and passing off as well as the quantitative and qualitative changing (Greek: *alloiosis*, *metabolé*). As basic categories for scientific assessment of these phenomena Aristotle used the terms potentiality (Greek: *dynamis*, Latin: *potentia*) and actuality (Greek: *energeia*, Latin: *actus*). This way movement of any kind could generally be understood as the actualization (realization) of a potentiality. Aristotle intentionally conceived his theory so broadly that – contrary to modern natural science which only knows and observes translocations from A to B – it could be applied to any kind of movement, to the growing of a plant as well as to the alteration of a feeling or the change of seasons.

Aristotle’s rootedness in the world of living things and his technical-practical approach to nature is shown also in another basic term he uses in his physics, the term of “essence” (Greek: *ousia*, Latin: *essentia*). Each being which actually exists can be understood as composed of its matter (Greek: *hýle*, Latin: *materia*) and its form (Greek: *morphé*, Latin: *forma*). Matter and form, however, are merely reflective terms which cannot exist independently by themselves. Consequently – contrary to modern materialism – it is not (wrongly) claimed that something like matter could exist as such, but that everything we ever are able to observe, understand, and imagine, due to the hereby aligned form always is a something, a being, and therefore a matter which has been formed already. Following this, to become (Greek: *génésis*) represents the transition from the uncertainty (potentiality) of a primary matter into the certainty (actuality) of a form, and thus is finally something like a transition (*kinesis*) from nothingness to being. Of this, however, only the result can be clearly described which has the being as its form.

Contrary to this, in modern physics there only are transitions from definite states to other definite states. Here, Aristotle’s problem of *kinesis* does not occur at all, a corollary which is inherently due to mathematical formulation. Mathematical functions always combine definite conditions with each other. This is the reason why Aristotle excluded the application of mathematics to *kinesis* – nota bene, not because of his ignorance of mathematics, but rather because of his insight into its limitations. “In fact none of the mathematical objects move”, he wrote in his treatise on the movement of animals (MA 698a). Therefore, to grasp the concrete becoming Aristotle was forced to abandon mathematics – despite or particularly because of the seeming “timelessness of mathematical objects”.

This notion of movement undefinable in a mathematical way could become relevant directly to homeopathy when one considers that Aristotle, in an analogue way, regarded the transition of a human’s healthy state to a sick one (and the other way round) as a qualitative change (*alloiosis*), so that also this form of movement (*kinesis*) was accessible to scientific understanding by means of his categories. In contrast, when applying the categories of natural science one can but try to either describe complex processes like becoming ill or recovering on a level of translocations of molecules, or avoid such superior terms altogether. Consequently, it is most significant that the term “healing” no longer exists in modern medical dictionaries – since it eludes the natural-scientific form of rationality.

Another category of Aristotle’s science which has been eliminated by modern natural science is of major importance to homeopathy: the goal-orientation (teleology) of all being. Based on the lifeworld’s way of experiencing oneself and the world in the Greek *pólis* and his primarily technical-practical attitude towards nature, Aristotle conceded to each being the striving for a goal (Greek: *télos*), however, in different grades: from the blind aiming of a stone for the center of the earth

to the unconscious striving of animals for self-preservation and reproduction of the breed, and finally to man's conscious pursuit of happiness and wisdom.

In Aristotle's doctrine of the four causes, the cause of purpose (*causa finalis*) even plays the most important, leading role, since – as he explains by the example of a house which owes its existence exactly these four causes – without the builder-owner (*causa finalis*) the stones and beams (*causa materialis*) would not have been put together by the craftsmen (*causa efficiens*) in accordance with the architect's plan (*causa formalis*).

In most cases, a certain goal can be reached by different means, and certain means may serve different goals. (To be full, one can eat sausages as well as cheese; a hammer can serve to put nails into a wall and also to break a window pane). Thus, contrary to the causal conjunction of cause and effect, there exists a contingent relationship of goal and means (which means that there may be other solutions, too). In today's terminology: a many-to-many-relation. Therefore, there cannot be unambiguousness in teleological thinking.

Teleology is a form of "hypothetical necessity" (Greek: *anágke ex hypothéseos*) which is fundamentally different to the "causal-mechanical" necessity. For example, for a saw to function as a saw it must be made of iron – but not necessarily because any other stiff material would do as well. However, an understanding of the purpose of a saw allows to consider iron a useful material and to say: if the saw is made of iron (and not of rubber or water or the like) it can or it will work – if nothing intervenes.

Aristotle conveyed this term of "hypothetic necessity" to nature and separated it from the "mechanically" acting necessity to which modern physics confines itself. He considered nature to be both a relation of history as well as of meaning, whose beginning can be elucidated only by knowing the end. Only in the light of the purpose which comes to the fore at the end only (when it has been realized) it will be possible to judge whether or not its generating causes and principles made sense, and in such a way we can "comprehend" nature.

Since a teleological view on nature is not primarily anticipating (like modern natural science) but rather reconstructive, the future, in a strict sense, may not be predictable (just like it can not be determined exactly when sowing a tree what shape it will adopt), but on the other hand the term "essence" or "*ousía*" does allow a containment and specification of propositions about the further development of a subject or a process. Since the potentialities of any being are limited, also its actualisations take place within certain limits (Greek: *péras*), and these can be known once one has analyzed its essence. Just like it belongs to a dog's nature to bark, but not to sing, the engineer knows what qualities are inherent in a certain material and for what it can be used due to these qualities. From this perspective even the "unrealized potentialities" of a substance fulfil clear identity criteria. However, it should be considered that one can be aware of a potentiality only if it has been realized before. (Only those may claim that they can play the piano who have actually played the piano before. Or related to homeopathy: That a certain remedy will evoke or heal a certain symptom can be claimed only if this drug has actually done this before, e.g. in a drug proving). In this respect, with Aristotle actuality always precedes potentiality.

Out of Aristotle's numerous inspiring thoughts a last one shall be picked out which most likely will be interesting to homeopathy, too. In regard to matter (*hýle*), certainly the form (*morphé*) is emergent, thus, the latter cannot be deduced from the former. (E.g. one cannot determine the use of a computer by looking at the way it is wired, or the use of a bulb by looking at its components). On the other hand matter not only is a ground of potentiality for the form but also its impediment. The bulkiness of matter compared to the form, and the fact that it is incomputable and unpredictable – a well-known fact in handicraft – is another issue which is no longer considered adequately and grasped conceptually by today's natural science. Instead one tries to get rid of the problem by eliminating as junk all materials which show the smallest aberration from a pre-determined standard and substituting them with replacement parts which must be as perfect as possible.

Since the view by natural science is so much fixated on the computability of the material, technical catastrophes are ascribed in public rather to human error than to the irrescindable contingency of matter and its principally resistant character, even when the real cause might have been the brittleness of a seal ring or the like. This issue might concern homeopaths, too, insofar as those seduced by the ideals of modern natural science and believing in the calculability of the material world, in the case when therapy fails, rather blame themselves than the drug, the patient, or the basic conditions. Those who think and act in Aristotle's categories, however, might consider the resistance or dispersiveness of the material for being the cause. As a matter of principle, homeopaths should welcome Aristotle's concept of the non-computability of matter since it allows for the scientific phrasing and explanation of the decisive difference between their individualizing practice and scientific medicine's generalizing theory.

Two kinds of science

After this digression into pre-modern history of science, a fundamental difference between two prototypes of science may become apparent.

- On the one hand, Aristotelian science, which derives its notions, principles, and concepts from human self-experience within a lifeworld perceptible by the senses, and which bases its explanations of different natural phenomena and technical processes on the paradigm of goal-oriented striving and manual production of means for certain purposes.

- On the other hand, modern science, which – guided by the secular interest in command of nature – selectively observes and investigates only those aspects of the world which can be measured and weighed and brought into relation with each other in a mathematically exact way.

Hahnemann lived and acted almost exactly at the interface between these two big blocks of traditions of science. Even though some roots of the modern type of natural science can be traced back to the 13th century (Roger Bacon), experimenting, measuring, and using mathematics to study nature became the new scientific paradigm among scholars and patrons only in the 17th century, a topic of discussion among the broad public only in the 18th century and a major issue for medicine not before the 19th century. On the other hand, Aristotelism dominated teaching at the universities until well into the 18th and 19th century, at the faculties of medicine in many cases in combination with Galenism and humoral pathology – targets of Hahnemann's polemics throughout his life. The Age of Enlightenment, in which Hahnemann was born, was downright fraught with the impetus – dazzled by tangible success of natural science in technology, agriculture and economy as well as inspired by the belief in continuous, ever-lasting advancement – to illuminate as many not yet "enlightened" areas of life as possible in a rational (which from now on meant above all causal-mechanical) way.

In analogy to Newton, who had founded modern physics as a natural science, Kant intended to turn metaphysics into a strictly *a priori* science, and therefore Hahnemann considered it his task to elevate medicine to the position of a positive

science following these two paragons. At that time, around 1800, – contrary to nowadays – it was not clear at all that “scientific medicine” would become tantamount to “natural-scientific medicine” one day. The excessive pluralism of healing systems, which made Hahnemann despair of medicine at first, was rather mirroring the general atmosphere of upheaval, which literally called for a new uniform paradigm. On this note Hahnemann was very progressive when he opted – as far as possible – for the natural-scientific method in his days, which half a century later in fact bestowed medicine a universal and uniform paradigm, which today is accepted worldwide, thanks to Rudolf Virchow, Robert Koch, and others (cellular pathology, bacteriology). Thus, Hahnemann had tried to base his new doctrine of therapeutics on criteria that finally became standard long after his death only.

While conducting drug provings, e.g. he used healthy persons, single remedies and strict methodical and dietary instructions, evidently in order to approximate the new ideal of a natural-scientific experiment, according to which only one variable of as homogenous substrates as possible is to be changed under constant basic conditions and the result be read off. Also empiricism, an influential current of thought at that time particularly in England, which also turned out to become trend-setting later on, was joined by Hahnemann insofar as he too – regarding drug proving, case taking and follow-up examination – believed in the possibility of pure, unquestionable observations, just according to the natural-scientific model of registering objective measuring data using technical devices.

Hahnemann had the scientific ideal of space-time-invariant laws of nature and thus certainty and predictability in mind when he reformed medicine. This is shown frequently in his works, for example, when he stated that homeopathy will some day “approximate mathematical sciences in terms of reliability” (*Organon VI*, § 145/1; *Organon V*, § 145/1: “certainty”). All what is still missing are exact “observations” of several drug provers, he went on to say – which again casts a significant light on Hahnemann’s backing of the natural-scientific method of induction, another progressive method at the time, according to which universal laws shall be derived from as many individual observations as possible. This was a selection of some scientific elements of Hahnemann’s concept of a rational therapeutics. This alone, however, did and does not suffice to establish homeopathy. (If it did, homeopathy would long have been recognised by universities and become mainstream medicine respectively).

As a whole, Hahnemann’s healing system was rather held together by the brace of rationalism, a powerful 18th century school of philosophy, which assumed that the world is based on reason, which man – by means of his reason – is able to recognise. This concept of reason, however, was not confined to natural-scientific categories, and so it could focus on virtually any area of life, such as nature, culture, religion, anthropology, ethics, etc. As Hahnemann was partly rooted in this tradition as well, which in turn was kind of a modern descendent of Aristotelism, he still could concurrently use notions and patterns of argumentation that were incompatible with the natural-scientific approach, which increasingly was infiltrating medicine.

Notions such as pathogenetic or medicinal “potencies” literally reveal the Aristotelian category of “potentiality” (Latin: *potentia*) on which they are based, while the same word is contained in notions such as “dynamis” or “dynamic”, yet in Greek (Greek: *dynamis*). Hahnemann’s notion of “life force” in turn seems to be an attempt at a rationalistic version of Aristotle’s concept of “*Entelechia*” (Greek: *entelecheia*: the goal-oriented striving of creatures), which in the wake of Newton’s physics, however, had to be expressed in natural-scientific terminology and thus in terms of “force”. Also the principle of similars does not fit the natural-scientific set of terms in the end, yet it does correspond to the Aristotelian-scholastic concept of analogy and the ancient conclusion by analogy. To establish the principle of similars as the only possible and true healing principle, Hahnemann was ultimately forced to draw on doctrines of rationalism, such as a benevolent and wise creator and the high spiritual and moral destination of mankind, which are all based again on the Aristotelian doctrine of teleology.

As these few examples show, homeopathy has at least two roots that can be historically traced back to different traditions of science.

- On the one hand, as a practitioner Hahnemann could still – during the time of upheaval around 1800 – draw on the primarily lifeworld-practical categories of Greek, Latin and Arab classics (in short of Aristotelism),
- on the other hand, as a theorist Hahnemann was already gripped by the impulse to turn medicine into a natural science in the sense of predictable, mathematical secure knowledge.

In this respect, homeopathy combines both progressive-scientific and traditional-teleological elements – in a complex blend that is hard to untangle. Therefore, it is susceptible to all sorts of interpretations and “enhancements”. This is the background of the current debate on homeopathy, which is unlikely to be resolved in the near future.

The point of view of history of science

From the perspective of history of science, above all three things should be considered:

1. It is to be maintained that homeopathy is a practical activity (Greek: *praxis*) for the sake of healing sick humans. Its success in the treatment of individual patients and its world wide spread and popularity speak for themselves. By sticking to a method which is structured and comprehensible according to traditional scientific criteria, homeopathy is a practical science – at least in the classic Aristotelian sense. To realise and acknowledge this is still not easy today as we are too much focused on natural science. However, it would be a solid position. On the other hand, it can only be advised against the temptation to claim more about homeopathy than its principles allow to justify (“certainty of healing”, etc.).
2. The claim that homeopathy ought to be a natural science in a modern sense is understandable from Hahnemann’s point of view, as due to the era’s general optimism of progress it was still unthinkable that the use of natural science would not only bring benefits to humanity but also perils and catastrophes. Insofar, today, this labelling seems much less attractive than it used to be. What seemed to be progressive and promising about the principles of natural science at the beginning of modern times has now, from a post-modern perspective, become a victim of deconstructivism. Constructivism has exposed empiricism to the charge of being a naive illusion, with the argument that every observation is far more construction on the part of the subject than just neutral perception of objects. The natural-scientific method of induction and falsification has been debunked as egotistic ideology by theorists of science like Thomas Kuhn or Paul Feyerabend, the more so as real-world scientific production follows more social and monetary interests than so called criteria for the establishment of truth. The concept of linear causality, calculability, and predictability of the world on which Newtonian physics rests, has finally been put into perspective by chaos research to that effect that it may at most be a special case (in an artificial closed system) within a uni-

verse of non-linear processes. As can be seen, natural science is today, considering its foundation and follow-up costs, not without its crisis and critics and is possibly no longer the best ally for holistic physicians.

3. Against the background of ecological catastrophes and alarming side effects of drugs dispensed by conventional medicine, the long run damages of an unchecked dominance of natural science over all areas of life today are looked at evermore critically. Hence, not only homeopathy, but also society as a whole faces the question and challenge of a better balanced relationship between natural-scientific theory and lifeworld practice. When the predominance of natural-scientific theories regarding the modern view of the world and our actions are ever more clearly coupled with the danger of a physical, psychological, and mental world loss, this theory-loadedness of our reference to the world requires a counterweight of complementary approaches to life that assign lifeworld practice a higher weight.

For example, what a human, a teacher, or a homeopath is, we know best and most intimately when we are one ourselves, i.e. when we – through one's own practical execution – understand the essence and are able to deal with it and, if possible, conceive it in scientific terms. In contrast, theoretical physics understands nothing of practical and living things, in fact cannot even say what matter is. Hence, we cannot expect it, or the physics-orientated natural science, to ever elucidate the essence of homeopathy or its like. But once one has understood that conducting a science is itself a human activity, which always presupposes man (whom it tries to comprehend) and his practice, then the first step towards a redefinition of the status of natural-scientific theory in our lives as well as in medicine will have been taken.

In this context lifeworld-practical categories, as presented in Aristotle's "science of the living", could in future rise to unexpected relevance. From that, in my opinion, homeopathy could only profit.

Гомеопатия и наука. Й.М. Шмидт (Германия, Мюнхен)

Гомеопатия объединяет прогрессивно-научные и традиционно-целенаправленные элементы - в сложной смеси, которую трудно распутать. Поэтому она восприимчива ко всем видам интерпретаций и «улучшений». Это - фон текущих дебатов по гомеопатии, которые вряд ли будут решены в ближайшем будущем.

Гомеопатія та наука. Й.М. Шмідт (Німеччина, Мюнхен)

Гомеопатія поєднує прогресивні наукові та традиційно цілеспрямовані елементи – у складній суміші, яку важко розплутати. Тому вона сприймає всілякі види інтерпретацій та «покращень». Це – тло сьогоденних дебатів з гомеопатії, які навряд будуть розв'язані у найближчому майбутньому.

Информация об авторе. Приват-доцент Йозеф Шмидт живёт и работает в Германии (Мюнхен). Известный гомеопат и исследователь истории гомеопатической медицины, доктор Шмидт всегда радуется интересными исследованиями. Работает также и на кафедре истории медицины Лейпцигского Университета. E-mail: j.m.schmidt@lrz.uni-muenchen.de